

Корень учения (из воспоминаний о духовно-школьной жизни)

I.

Суровая зима. Сумерки. На дворе сильная метель. Дома, сараи, житницы и овины занесены по самые крыши снегом. На воле нет ни одной человеческой души, от мороза и вьюги обитатели М—ской Слободы забралась в занесённые снегом хаты. Мужички греются на печке, а бабы при свете дымящей лучины прядут лён. От греющихся на печке мужичков слышно сопение, а от бабьей работы жужжание веретён.

с. 345

Несколько в стороне от крестьянских хат стоят дома местного причта. Дома священно-церковнослужителей снаружи ничем не отличаются от крестьянских хат, также покрыты соломой, также, как у тех, так и у других, покачнулись набок...

На кухне местного священника, за большим четырёхугольным столом, сидят: маленький семилетний мальчик и рядом с ним нестарый родитель ребёнка. Малютка указкой, сделанной из лучины, водит по букварю, насаленному и намавленному до неузнаваемости букв, выговаривая, с плачем, нараспев: «Оксия, савария, камора, звательци»... «А ты полно, — не плачь, — строго заметил отец сыну, — а ты, бабушка, свети хорошенько», — обратился священник к маленькой сгорбленной семидесятилетней старушке, сидящей за светцом для поправки горящей лучины.

— Свечу, да не горит, пострел, — сыра больно лучина-то, — отвечает бабушка батюшке.

— Но вот батюшка приказывает малютке закрыть книгу, малютка набожно перекрестилась, поцеловал букварь «в оксию и саварию», заложил изучаемую страницу указкой, и лицо ребёнка вмиг просияло при мысли об окончании урока и возможности доделать из лучины кухонным ножом ветряную с трещоткой мельницу.

с. 346

Таким способом было начато моё обучение грамоте и подготовка к духовной школе.

Научивши разбирать слова «под титлами», батюшка, занятый делами по приходу и по некоторым другим причинам, отдал меня «на выучку» местному пономарю — малограмотному старичку Илье Афанасьевичу, который и сам в науках был не силен и в церкви, вместо «апостоли», — читал «апли». Живо вспоминаю, как я сначала с букварём, а потом с Часословом и в конце концов с Псалтирью под мышкой — бегал к своему учителю каждое утро. Две зимы и два лета продолжалось моё обучение в родной деревне. За два года ученья я мог читать свободно Часослов и Псалтирь, знал несколько молитв утренних и вечерних, свободно болтал без ошибки, ничего не понимая, целые тирады из начатков «Христианского учения», начинающиеся словами: «един Бог во Святой Троице покланяемый есть вечен, то есть не имеет ни начала, ни конца бытия своего но всегда был, есть и будет». Мог отвечать механически, зажмуря глаза, на вопросы: «как можно приблизиться к Богу, кто приближается к Богу мыслями, желаниями, делами», наконец, под руководством родителя я выучился читать по-латыни и к зубу знал таблицу умножения, умел писать в линейках с прописи и до тысячи марал цифры. С этим запасом знаний я должен был ехать из родного родительского дома в духовное Училище.

* Соловьёв, Н. Корень учения (из воспоминаний о духовно-школьной жизни) / Н. Соловьёв // *Владимирские епархиальные ведомости (часть неофициальная)*. — 1882. — 15 июня (№ 12); 1 июля (№ 13). — С. 345—362; 383—388.

с. 347 Описанию духовно-училищной жизни, собственно, я и имею посвятить несколько страниц, считая нужным оговориться, что описываемые мною порядки я не хочу выставить в упрёк своей alma mater, и намерен вести рассказ не в смысле обличительном, а в повествовательном, местно-историческом. Затем, по характеру издания, в которое и предназначаю свою работу, мною, быть может, кое-что будет и недосказано, тем более о живых деятелях школы я не вправе говорить что-либо. После этого необходимого вступления с предварительным кратким упоминанием о моём домашнем обучении, приступаю к передаче своих воспоминаний о духовном Училище, с его нравами, обычаями, порядками и житьём-бытьём духовных питомцев.

II.

с. 348 За месяц до моего отправления в Училище отношение наших семейных членов ко мне было особенно внимательное. Родители, братья, сёстры старались оказать мне не только любезность, но даже баловали меня, терпеливо переносили мои детские шалости и капризы... Но вот настал и день отправления из родной, дорогой семьи в чужой дом, в город к неизвестным людям. Нужно было проститься со всем, к чему привыкло детское сердце, проститься и с сверстниками-товарищами, и с ветряными мельницами, и с речкой, и с огородом, и с птичьими гнёздами, и с колокольней, и с любимой лошадкой, за которой так охотно всегда ходил в стадо и на которой неустрашимо, без всякого седла ездил верхом, — нужно распрощаться с сёстрами, братьями, бабушкой, родителями и с кухаркой Аграфеной, всегда прикрывавшей шалости от родителей... Настал всему конец. — Прости моя родина, и прости навсегда... Ты, моя родина, будешь принимать меня только как гостя, но не как своего постоянного жителя. Простите, друзья-товарищи: Ванюшки, Петрушки, вы остаётесь на родине в домах своих родителей, вам предстоит учиться: боронить, пахать, сеять, косить, жать, а мне долбить: альфа, вита, а, бе, це, наши пути различны, но чей путь тернистее, кто из нас будет счастливее в жизни, один только Господь Бог ведаёт...

30 августа, по окончании Литургии, на которой присутствовала вся наша семья, батюшка отслужил молебен «пред началом учения отроком», окропил меня святой водою, и затем, по выходе из церкви, напившись чаю и наскоро пообедав, мы должны были отправиться в путь. Маленькая лошадка, запряжённая в большую телегу, стояла у крыльца. Я одет был во всю школьную амуницию, на шее был обвязан клетчатый бумажный платок, на груди навязан сшитый из разных лоскутков нагрудник, а на себе я имел синей нанки халат с открытыми лацканами, что составляло своего рода щегольство, так как халат можно было шить и с крючками, чтобы наглухо застегать воротник, но мне хотелось выставить напоказ разноцветный нагрудник, чтобы всякий видел его и все бы любовались им. Портной удовлетворил моему желанию, дал мне возможность щегольнуть.

с. 349 Когда телега была нагружена предметами, предназначенными к дороге, когда кузов с лепёшками, корзина с яйцами, мешок с мукой, другой с крупой, кринка с маслом, постель для меня и сундук для моих пожитков были уложены и уставлены в телеге, а батюшка оделся в путь, — мы все сели, затем помолились, а потом уже и началось прощанье. Прощаясь с батюшкой, я боялся плакать, но, обнимая мать, не мог сдержать слёзы. Заплакал я, не утерпела и матушка, а на нас глядя, заплакали братья, сёстры. Но батюшка строго сказал: «Полно-те, что за слёзы», — и спешил выйти на волю. Между тем около крыльца толпился народ, здесь стояли и дети и взрослые, мои товарищи и их родители, причетники и причетницы с чадами и домочадцами, а впереди всей толпы стоял мой учитель Илья Афанасьевич, все хотели меня проводить, — проститься. Такое ничтожное происшествие, как отправление меня в Училище — в деревне составляло новость, целое событие. Перецеловавшись со всеми, я взобрался на телегу, со мной сели младшие братья, а родители и старший брат с сестрой пошли пешком провожать нас. Матушка всю дорогу толковала моему старшему брату, чтобы он меня не забижал, брат учился в Высшем отделении Училища, называемом в те времена ещё «синтаксимой». Проехавши с версту, мы остановились, и на поле началось снова прощанье, снова слёзы, но батюшка, помня русскую поговорку: «дальние проводы — лишние слёзы», сел на телегу, ударил кнутом лошадку, и она по ровной укатанной дороге побегла рысцей, а матушка не трогалась с места, благословляла нас,

удаляющихся из её глаз. Долго ли она, дорогая, стояла, не знаю, так как проехавши поле, мы въехали в лесок и скрылись из глаз нас провожавших... Что-то из моих деток будет, вероятно, задавала себе вопрос матушка, возвращаясь в свой дом к обычным занятиям и заботам...

III.

День склонялся к вечеру. Лошадка наша поустила, проехав около пятидесяти вёрст [53 км]. Мы взбирались на большую гору «Добряну». Чтобы облегчить тяжесть, батюшка слез с телеги и сзади помогал лошади вбираться в крутую гору, покрикивая: «Ну, с Богом, вытягивай!» Лошадка понатужилась и мы въехали на вершину горы. Моему взору представилась великолепная невиданная картина. Множество домов, церквей, с одной стороны дремучий лес, с другой огромное, по выражению поэта, будто без меры в длину и без конца в ширину озеро. Мы подъехали к городочку Переславлю (Залесскому), городочку провинциальному, старинному, очень скромному во всех отношениях, если не сказать больше. Но мне, не видавшему никогда города, Переславль показался таким чудом, такое произвёл на меня сильное впечатление, что я потом, бывая в столицах, в городах русских портовых и больших торговых зарубежных, так не удивлялся величию их, как удивлялся городу Переславлю. В этом городе Переславлe мне и предстояло начать своё обучение в духовном Училище, помещающемся и доныне в том же самом здании, в каком начал обучение я двадцать с лишком лет тому назад.

с. 350

При въезде в предместье города я то и дело то брата, то отца расспрашивал, указывая на постройки: что это, это что, — смотрите, смотрите, удивлялся я и высоте ограды Данилова мужского монастыря, и блеску церковных куполов Фёдоровской женской обители, и мрачности-тусклости уцелевших глав Горицких, тогда упавших, а ныне упавших, когда-то величественных грандиозных церквей и зданий.

Брат мой квартировал близ Данилова монастыря в доме кузнечных дел мастеров Бобковых, на этой же квартире и я должен был жить. Как сейчас помню, при нашем въезде на двор нас встретил коренастый, рыжий, небольшого роста хозяин дома. Кузнец подошёл к батюшке под благословение, моему брату протянул грязную руку и, указывая на меня, спросил хриплым голосом: «А это, видно, новенький?» От этого простого, обыкновенного вопроса у меня сжалось сердце. Неприветливым и страшным показался мне кузнец-хозяин.

с. 351

По принятому, заведённому обычаю мой батюшка должен был поздравиться с приездом, то есть угостить хозяев водкой, задобрить их, за два за три стакана водки снискать к нам хозяйское благоволение... С дороги мне сильно хотелось спать, разостлавши свой войлок среди грязного полу, я спал богатырским сном, забыл и свою думу крепкую, что наутро предстоит идти на приёмный экзамен к Смотрителю Училища.

IV.

Верстах в трёх от Переславля, на горе близ Плещеева озера, того самого озера, на котором гениальный Царь учился вести борьбу с водяной стихией, живописно расположен мужской Никитский монастырь. В то время, о котором у нас идёт речь, настоятель этой обители о. архимандрит Нифонт (Успенский)¹ проходил должность Смотрителя Переславского духовного Училища. К отцу Нифонту поступающим в Училище и нужно было отправиться для сдачи приёмного экзамена. В то время не было ни педагогического совета при Училище, ни педагогических собраний, Смотритель и Инспектор Училища составляли альфу и омегу, проводили в движение пульс несложной, патриархальной училищной жизни.

На экзамен батюшка повёл меня пешком и дорогой делал наставления, как я должен подойти под благословение к отцу смотрителю, пальцы не брать в рот, стоять руки опустя, отвечать не робея, не торопясь, слушать что спрашивают. Выслушивая родительские

с. 352

¹Некролог о. архимандрита Нифонта см. в 21 номере «Владимирских епархиальных ведомостей» за 1877 год.

наставления, я, однако, довольно утомился дорогой, и очень был рад, когда мы подошли к высокой ограде Никитского монастыря.

В коридоре настоятеля и у крыльца близ его подъезда толпилось десятка три лиц духовного звания. Здесь были и прилично одетые священники, и бедняки причетники, и несчастные вдовы духовенства с чёрными платками на головах, с готовыми слезами на глазах. Все эти отцы и матери привели своих малюток на приёмный экзамен. Отец Смотритель был человек добродушный, без всякой важности, вполне доступный для всех и каждого, принимал в свою келью просителей с раннего утра. Бог мой, какой роскошью показалась мне, в существе дела очень скромная, келья отца архимандрита, когда я с усиленно бьющимся сердцем, в сопровождении моего родителя, вступил за дверь его кельи. К благословиению я подошёл как следует, на вопросы отца Смотрителя: как тебя зовут, который год, умеешь ли читать и писать — отвечал как следует. После этих вопросов отец Нифонт заставил меня прочитать несколько строк по-славянски, по какой-то, не припомню, богослужебной книге, спросил несколько числ из таблицы умножения, заставил написать карандашом на листе бумаги моё имя и фамилию, потом спросил вечернюю молитву <Боже вечный и Царю...> Наконец, я прочёл несколько слов по-латыни. Этим экзамен и кончился. Я был принят в Училище. Затем, во всё время моего продолжительного ученья, я ни разу так удачно не сдавал экзамены, как удалось сдать первый детский вступительный экзамен. Прощаясь с о. архимандритом, мой родитель, по заведённому обычаю, хотел отблагодарить его, но смотритель, очень хорошо помню, — не принял благодарности, хотя также знаю, что у других лиц о. Нифонт брал разного рода приношения и благодарения. Из квартиры смотрителя я вышел ликующий, но детский плач и стон старушки матери ребёнка заставили сжаться моё сердце. Это плакал ребёнок сирота — не выдержавший приёмного экзамена, и стонала мать мальчика, вдова, не знавшая, что с ребёнком делать, куда его давать, каким способом и на какие средства подготовить малютку к школе. В те времена не было ни народных школ, ни приготовительных классов при училищах, и научить ребёнка читать, писать неграмотной матери, озабоченной добыванием куска насущного хлеба, задача была действительно нелёгкая!..

Заложивши руки за свой разноцветный нагрудник, я бодро шёл из Никитского монастыря в город Переславль. С этого времени я уже сделался учеником духовного уездного Училища, — не велико это титуло, но велика моя радость была!..

V.

Штат преподавателей Переславского духовного Училища был весьма незначительный. Помимо отца Смотрителя, очень мало касавшегося дел училища как по дальности расстояния своего местопребывания от Училища, так и ещё более по свойству своего характера, преподаватели состояли следующие лица: П. В. А—ский, Ф. М. П—ский, А. И. С—н, М. Ф. У—ский и А. И. П—ский.¹

П. В. А—ский был царь и бог Училища. Проходя должность училищного Инспектора и имея в своём подчинении даже смотрителя училища, Павел Васильевич был вполне самовластным хозяином школы. Как сами ученики, так и родители учеников обращались по делам Училища исключительно единственно к г. Архангельскому. Этот неутомимый деятель уже несколько лет покоится в земле, а потому мы и дозволяем себе сделать небольшую характеристику этого лица, имевшего в своё время громадное значение в Училище, прослужившего двадцать пять лет духовно-школьному делу.

По своим знаниям преподаваемого латинского языка г. Архангельский стоял очень высоко. Преподаваемый предмет он знал в совершенстве. Ученики латинский язык знали очень удовлетворительно. Правда, Павел Васильевич достигал благоприятных результатов при преподавании предмета не педагогическими мерами и не дидактическими способами, а дисциплиной и лозой, сию последнюю покойник очень часто в часы нервного раздражения

¹Павел Васильевич Архангельский, Феопемпт М. Покровский, Александр Иванович Свирелин, Михаил Ф. Успенский и Александр И. Покровский. — *Ред.*

пускал в ход. Но при всей строгости, при всей вспыльчивости своего болезненного раздражительного характера, Павел Васильевич имел весьма симпатичные стороны. Пренебрежительного взгляда свысока на учеников у Архангельского не было. Мы для него были «ребята», и этим именем он нас величал, когда нужно было обратиться с вопросом к целому классу. Сам родившись в бедной дьяческой семье, Павел Васильевич не смотрел на бедность как на мерзость. От него никогда не было слышно таких наименований, как: «конюх», «шваль», «паршивая овца», «сволочь», названий, так часто адресуемых детям одним из преподавателей, имевшим очень много претензий на название образованного и воспитанного педагога.

От Смотрителя Училища батюшка повёл меня к всесильному в Переславском Училище Инспектору. Здесь мы обязаны упомянуть о материально-бытовой стороне гг. преподавателей духовного училища, о тех материальных средствах, о тех ресурсах, коими располагали наши учителя.

с. 355

- Смотритель Училища получал содержания 200 руб. в год, то есть 16 руб. 66 коп. в месяц,
- Инспектор Училища по должности Инспектора и за преподавание латинского языка с православным катехизисом (катехизис и латинский язык должен был преподавать один учитель — таково было сочетание предметов во времена, не столь отдалённые) получал тоже 200 руб.,
- преподаватель греческого языка, священной истории и русской истории (тоже интересное сочетание предметов) получал 180 руб. в год;
- учитель арифметики и географии, а равно и учитель русского языка, он же преподаватель и церковного устава, получали по 124 рубля,
- и наконец, учитель чтения, чистописания, нотного пения, получал 96 руб. в год.

Все служащие при Училище лица по большей части были люди женатые, семейные, должны были и одеваться прилично, и иметь вицмундиры на разные торжественные случаи.

Нищенское содержание довело преподавателей Училища до такого деяния, о котором теперь стыдно говорить, — необеспеченные преподаватели, чтобы иметь мало-мальски сносное обеспечение — вынуждены были брать с учеников взятки. Делать материальные и денежные приношения преподавателям не считалось не только позорным для дающих и приемлющих, но даже считалось это чем-то обязательным. Отцы, привозившие своих детей в Училище, обыкновенно делали приношения преподавателям три раза в год: после каникул, после Пасхи и после Святков. Принести взятку учителю на ученическом языке называлось «явиться».

По выдержании мною приёмного экзамена родитель повёл меня являться, и как я сказал, прежде всего к г. инспектору, а затем по порядку и к прочим преподавателям. Разумеется, всякому преподавателю выражалась батюшкой невещественная просьба не оставить — обратить внимание на меня и в упрочение оной просьбы делалось вещественное приношение в виде двух рублей г. Инспектору и по одному рублю прочим преподавателям. Так делали все родители, так дело велось десятки лет... Водилось так во всех духовных училищах нашего родного Отечества... Упоминаю об этом мрачном явлении в училищной жизни не в суд и во осуждение преподавателям, а единственно для характеристики доброго старого времени.

с. 356

Устроив наши дела по квартире, батюшка, наградив меня двумя пятиалтынными, отправился домой, а я остался в городе и вступил в колею школьной жизни со всеми её радостями и печалью, светлыми и тёмными сторонами. Так как житьё-бытьё наше слагалось собственно из жизни квартирной и собственно школьной, то и я буду говорить отдельно о каждой из них.

VI.

Квартира у кузнецов Бобковых считалась лучшей ученической квартирой и в цене ходила выше других квартир. Обыкновенно ученики за девять учебных месяцев платили 4—5 руб., причём хозяйка обязана была мыть ученическое бельё, отоплять баню, а воду для бани должны носить ученики сами, и готовить из своих продуктов к обеду какое-нибудь суповое блюдо. Мы платили за квартиру по 6 рублей с человека и пользовались

с. 357 двумя хозяйскими блюдами. Вдобавок к денежной плате мы были обязаны поставлять хозяйке по мере [16 кг] ржи с человека — это говорилось тогда «на квас». Комната, которую мы занимали, освещалась двумя окнами, выходящими на двор. Длина комнаты, нами занимаемой — аршин 6—7 [5 м], — а ширина 4—5 [3,6 м], и в этой лачуге помещалось нас десять человек. У передней стены под киотом стоял большой изрезанный и испачканный чернилами четырёхугольный стол, на противоположной стороне к стене приделаны были дощатые «нары», на которых грудой лежали наши спальные принадлежности, по стенам кругом расставлены были передвижные скамьи, облитые чернилами, в углу у самой двери расположена была печка. Стены, когда-то оклеенные шпалерами тёмного цвета, от времени и от путешествия по ним клопов, квартировавших в щелях этих стен, немилосердно нами побиваемых во время экскурсий сих насекомых, до того были грязны и мрачны, что просто жутко вспомнить!

В квартирах, по заведённому в те времена обычаю, была администрация, которая слагалась из лиц следующих наименований: «доверенный», «старший» и «главный старший». Чины эти, отвечая пред училищным начальством за квартирный порядок, сами были начальством над учениками. «Доверенный» имел не только право, но и обязанность контролировать учеников в их занятиях, прослушивать заданные уроки, наблюдать за благоповедением детей. Кроме «доверенного», квартиры посещались так называемыми «старшими». При входе «старшего» в квартиру ученики вставали и не имели права садиться до тех пор, доколе не посадит «старший», который также наблюдал за занятиями учеников, на квартирах ведению его вручённых. «Старшему» обыкновенно вручалось две-три квартиры. Где квартировал «старший», на ту квартиру старший другого участка не мог ходить, но квартиры, не имеющие у себя «старших», и квартиры, осчастливленные квартированием персоны старшего, посещались «главным старшим». В эту должность назначался обыкновенно первый ученик синтаксисы. Пред этим начальством вставали все не только первоклассники, но ученики синтаксисы, за исключением «доверенных» и «старших», которые, по принятому обычаю, пред «главным старшим» не вставали.

с. 358 На всех квартирах велись журналы, в которых помещался список квартирующих учеников и каждодневно велась следующая запись: «В квартире всё было благополучно. Вечерние молитвы читал такой-то, а утренние тот-то. Беспорядков за учениками замечено не было. Свидетельствую доверенный». Старший, посещая квартиру, писал в журнале: «Был старший NN и нашёл всё в порядке, спрошенные ученики отвечали данный урок: такой-то порядочно, такой-то не худо, и такой-то хорошо». Случалось, что в один вечер квартиру посетят: старший, главный старший, помощник инспектора, по-тогдашнему субинспектор, и сам Инспектор. Бывало и так, П. В. Архангельский — в случае подозрения учеников в неблагоприятных поступках, посещал квартиру по два и по три раза в день.

VII.

с. 359 Квартирное хозяйство велось у нас довольно рациональным способом. Каждая квартира составляла правильно организованную экономическую общину. Из числа учеников старшего класса выбирался один для ведения квартирного хозяйства. Выбранный с общего согласия комиссар наблюдал за правильностью продуктовых расходов и вёл письменную отчётность по экономической части в квартире. Он же принимал: муку, крупу, масло, привозимые учениками из деревень. Разумеется, механизм ведения нашего квартирного хозяйства, крайне скромного — был весьма несложен; но он имел для учеников довольно важное значение, приучая их с детских лет к самостоятельному хозяйству, знание которого так необходимо для того класса, того сословия, в которое потом поступают лица, вышедшие из духовной школы.

Дело квартирного хозяйства обыкновенно велось таким порядком. По приезде, после каникул, ученики в большинстве случаев привозили с собой необходимые жизненные продукты. Заведывающий квартирным хозяйством, получая оные продукты, тщательно перемеривал и перевешивал в лавке «под горой» у Трофима, Кокори, Криветчихи, мелких торговцев, так хорошо известных ученикам Переславского Училища описываемого нами времени. Затем все продукты записывались в книжку и сдавались хозяйке. Нужно заметить, что

квартирные хозяева редко отличались честностью, а обыкновенно от ученических продуктов питались сами целыми семьями, а крупницами выкармливали огромных свиней. Несмотря на контроль, ловкую, искусившуюся в держании учеников хозяйку трудно учесть. Как наше питание, так и вообще житьё-бытьё было самое горемычное. Постараемся в виде иллюстрации описать ученический день в квартире, и затем перейдём к воспоминаниям школьным в тесном смысле этого слова.

VIII.

Утро. В Даниловом монастыре звонят к ранней обедне. В ученической квартире часовой не имеетя и звон к обедне заменяет оные. С этим звоном ученики встают с своих убогих постель, разостланных на грязном полу. Пыль, духота в квартире невыносимая. Минут десять проходит в убораньи с полу на нары постельных принадлежностей, состоящих из войлока, подушки с засаленной набойчатой наволочкой и набойчатого на хлопках, вместо ваты, одеяла. При уборке постели нередко происходит и экзекуция какого-нибудь школьника голенищем на заслоне за известную детскую слабость. Затем чтению молитв и одеванию уделяется несколько минут. Завтрака и чаю у нас не полагалось, а отрезавши большой, фунта в два, [819 г] ломоть хлеба и насоливши этот кусок, ученики клали оный хлеб насущный, — часто сырой и затхлый, — за пазуху и, завязавши в узел грудку книг, отправлялись в Училище. В 12 часов дня по тогдашним порядкам учеников отпускали на обед, к двум часам мы снова собирались в класс и оставались здесь до 4 часов. Ученический обед состоял из щей, забелённых молоком, мясные щи готовились изредка по большим праздникам, и гречневой каши — этого лакомого, любимого, как говорят, и по сие время учениками [блюда]. По выходе в 4 часа из класса, мы снова услаждали себя кашей, и затем, забравши книжки и тетрадки, расходились по разным местам: кто в баню, кто на крышу двора, кто в сад под дерево, кто, на сушила, и вот в разных углах и укромных местах раздаётся: «ἄμμος песок, ἀμπέλως виноград, ῥαπὶς хлеб, ῥίσις рыба, — география есть наука о земле как теле небесном, российская грамматика учит правильно читать и писать по-русски», — наконец, где-нибудь невидимо для глаза, но слышно для уха, раздаётся: «ут, ут, ут; ре, ре, ре; ми, ми, ми; ля, ля, ля». Таким способом идёт приготовление уроков к следующему дню. Глубокие сумерки или проливной дождь да стужа загоняли нас в квартиру на занятия. Главное препятствие для подготовки уроков в квартире состояло в том, что здесь не всем дозволялось учить урок громко — вслух, этим правом пользовались только синтаксисты, а готовить урок тихо — мы все совершенно были неспособны, так как учили уроки в «долбёжку», как называлось в наше время.

с. 360

с. 361

Собравшись из разных мест, как пчёлы в улей, мы усаживались за большой стол, освещаемый одной сальной свечкой — и снова учили, или как тогда называлось, «просматривали про себя», то есть тихонько, приготовленные уже уроки. Часов в 8, в 9 приходил старший, а иногда и главный старший, или Инспектор. Пред ужином мы давали отчёт в приготовленных уроках доверенному квартиры, от которого за плохое знание урока получали потасовки, оставление без ужина, а иногда угощали нас и берёзовой кашей... Около 10 часов мы кончали свой скромный ужин, устилали постели, ложились спать и нередко во сне читали от слова до слова данный урок. Случалось так, что вечером не знаешь урока, несмотря на долгое учение, а поутру вставши, не смотря в книгу, буквально прочтёшь всё заученное вчера. Это на языке школьном называлось «заучить урок».

Так велась наша квартирная жизнь, полная усидчивого труда, пополам с проголодью. Чай в наше время, и тот составлял лакомство, и лили мы его только по воскресеньям, по праздникам да в именины своих квартирантов. И с каким же, бывало, нетерпением ожидаешь окончания трети, чтобы поехать домой, по крайней мере хоть затем, чтобы поесть досыта и на минуту забыть, что российская грамматика учит правильно читать и писать по-русски, — а латинская по-латыни... Но и переправа домой, особливо на праздник Пасхи, составляла громадную трудность. Иногда по колена в воде, в распутицу, рискуя не только здоровьем, но и жизнью, идёшь за пятьдесят, шестьдесят вёрст [64 км], идёшь пешком в родной дом, к родным лицам на светлый праздник, и пришедши под родительский кров,

с. 362

забудешь всё: и трудность ученья, и усталость от дороги, и холод и голод, и нужду и неудобства школьной жизни...

IX.

с. 383 Сидя согнувшись поперёк телеги, батюшка мой возвращался домой. Долго я стоял и смотрел вослед удаляющегося родителя. Лошадка как будто сочувствовала мне и самым мелким шагом плелась по калыистой дороге, а батюшка то снимал свою с широкими полями поярковую шляпу, чтобы поклониться на прощанье, то приставлял руку ко лбу с целью рассмотреть нас. Но вот мало-помалу расстояние нас начало отделять, силуэт телеги делался едва заметным, а наконец и вовсе невидимым для глаза... «Пойдём», — сказал мне брат, провожавший вместе со мною родителя. Я пошёл с братом по направлению к Училищу; но мне так было тяжело, так было грустно, что я не в силах был удержать свои детские слёзы. Брат старался меня утешить, но утешения как-то хуже вызывали слёзы, и я с заплаканными глазами взшёл в первый раз в училищное здание. Потом сколько раз мне приходилось плакать в этом Училище, но первые слёзы как-то особенно сильно запечатлелись в моей памяти.

с. 384 Каменное училищное двухэтажное здание, разделённое на несколько классных комнат, «кишмя кишело» учениками, которые бродили и по коридорам здания, и по классным комнатам. Между малютками было немалое количество юношей великовозрастных, лет 20. Эти великовозрастные господа лет, по десяти протрудившись в Училище и дотянув до синтаксисы, редко поступали в Семинарию, а по большей части определялись на причетнические места да расходились в качестве послушников по монастырям. Так называемое низшее отделение, в которое я был принят, помещалось внизу училищного здания, и составляя низший класс школы и по самому помещению, и по возрасту учеников, было самое многолюдное. В этом отделении человек пятнадцать было оставлено на повторительный курс, да человек шестьдесят поступило вновь! «Оставленные» ученики, знакомые с порядками школы, на первое время обыкновенно играли видную роль. Они были не только цивилизаторами вновь поступивших в Училище детей, но и некоторого рода начальством; так как из этих господ назначались «цензор» класса и «авдиторы». А как цензор, так и авдиторы по своему положению и обязанностям и по доверию к ним преподавателей — легко могли подвести под лозу любого ученика. Цензор наблюдал за порядком в классе, он записывал шалунов на осьмушке бумаги и подавал эту ужасную записку тому преподавателю, на уроке которого шаловливо вели себя дети. При двухчасовом уроке, на который преподаватели приходили на пять, на десять минут, трудно было, разумеется, детям просидеть сложа руки, а за каждое движение и громко сказанное слово цензор мог «записать в записку». А тут уже никаких объяснений не принималось, попавший в «записку» непременно уготовлял себя или на недельное стояние среди класса на коленях, или же прямо под розгу. Поэтому нет ничего удивительного, что цензора, особливо в Низшем отделении, дети боялись как огня. Его кормили лепёшками, дарили ему бумагу, карандаши, перья, а иногда и перочинные ножички. Кстати сказать, лист простой бумаги в наших глазах имел немалую цену, лишний карандаш составлял роскошь, а перочинный ножичек целое богатство.

с. 385 Авдиторы тоже многое значили для вручённых ведению их учеников. Обязанность авдитора состояла в том, чтобы утром «прослушать» [у] вручённых ему учеников данный урок. Обыкновенно авдитору назначалось пять человек. Каждый преподаватель назначал своих авдиторов и по каждому предмету имелись отдельные списки учеников, в которых авдитор делал отметки своему пятку. Отметки принято было делать не баллами, а двояким способом: или латинскими буквами S., E., Ns. — или русскими: З., Нет, Нз. — Это означало: знает, не твёрдо, не знает. За нетвёрдое знание урока нас ставили на колена, а за незнание оного секли розгами. Боже мой милостивый, сколько, бывало, прольёшь слёз, сколько употребишь просьб, чтобы «авдитор» не записывал незнающим урока. Были впечатлительные натуры, на которых слёзы и просьбы действовали. Снисходительный авдитор прослушивал по несколько раз одного и того же ученика урок, лишь бы не записать его незнающим, и делал в списках отметку уже пред приходом в класс преподавателя. Но были и такие упругие бесчувственные личности, на которых ни слёзы, ни просьбы не производили ни-

какого впечатления. Подобный аудитор сидит за партой, так тогда назывались школьные столы, и, смотря в учебник, выслушивает учеников уроки, пропустил ребёнок «и», аудитор, ни слова не говоря, ставит в списки «Нет». Против аудиторов, впрочем, допускались и протесты, то есть можно было «переслушаться». Некоторые преподаватели сами переслушивали, а некоторые поручали это дело ученикам. По большей же части велось дело так: приходит преподаватель в класс, по прочтении молитвы прямо берёт списки и перекликает, такой-то, такой-то и такой-то, на колена, а такие-то на средину, то есть под розгу. Начинается писк, слёзы, просьбы о помиловании, но вот в ответ на все эти моления выходит на средину класса «секатор», так назывался один из великовозрастных учеников, облечённый властью пороть своих товарищей, преспокойно укладывает первого по очереди ребёнка среди полу, загибает его платье, спускает нижнее бельё, ученики, сидящие за партами, смотрят, притая дыхание, по классу сначала раздаётся свист лозы и моментально вслед за ним отчаянный крик ребёнка. Отвратительная картина! В более важных случаях обязанности секатора возлагались на коренастого училищного сторожа, изображавшего собою над нами то же начальство. В наше время был сторожем и играл видную роль, носил гордо голову некий Куприяныч, для снискания милостей этого Куприяныча мы оделяли его: лепёшками, семитками и гривнами!..

с. 386

Х.

Первые дни моего пребывания в школе составляли для меня громадный интерес. Новая обстановка, груда товарищей, два пятиалтынных в кармане, сдобная лепёшка за пазухой, чего ещё больше желать!.. Но прошло дня три или неделя, пятиалтынные истратились, лепёшки перевелись, учителя стали давать уроки и фон светлых дней школьной жизни несколько потемнел. В школе приходилось дрожать от страха, как бы учитель не спросил урок или аудитор не записал незнающим оного. Между нами была распространена сильная уверенность в могущество «сучка». Если не знаешь урока, то держись пальцем за сучок — и учитель не спросит. И вот, бывало, рукой держишься за сучок, а сам, смотря в книгу, твердишь: именительный реппа, родительный реппае, и вдруг слышишь грозный голос учителя, вызывающий тебя на средину классной комнаты отвечать урок. В глазах помутится, сердце забьётся, выйдешь как помешанный, не ответишь ни слова и получишь порку. Бывали случаи, что в день получишь три порки по числу трёх уроков. А возвратясь на квартиру, здесь ещё получишь подобную же награду за свои неуспехи в школе от старшего или доверенного квартиры, которым не только начальство, но и отцы поручали нас.

с. 387

Метод преподавания практиковался у нас «от сих до сих», то с выпусками, а то и без выпусков, но непременно буквально по учебнику. Беда была в том, что учебники составлялись в то время совершенно неприменительно к детскому пониманию, и нет ничего удивительного, что сидя за столом, «долбя» урок, под свой собственный шёпот задремлешь и заснёшь, но услужливые товарищи, по большей части из старших классов, поспешат подложить тебе подушечку, то есть ударят тебя в локоть руки, если заснул, облокотившись на книгу. От сильного толчка просыпаешься, товарищи смеются, а ты с мутными заспанными глазами снова шепчешь: альфа, вита, гамма, дельта.

Несмотря на однообразие ученической жизни, несмотря на трудность житья-бытья школьного, у нас бывали и радостные дни: это дни экзаменов, которых было в году три — пред летними каникулами, Святками и Пасхой. Во время экзаменов уроков не давалось, и как бы ни отвечали мы на экзамене — нас не секли. А это разве не радость, — не счастье!.. А в летнюю пору при слове «рекреация» бывались все напасти и печали, рекреационный день составлял истинную для нас отраду!

с. 388

С 1860 года порядки школьной жизни в нашем Училище начали изменяться к лучшему. Царство лозы мало-помалу стало ослабевать, хотя, разумеется, нашим воспитателям трудно было мириться с «новым веянием» в школьной жизни, но они должны были подчиняться если не духу времени, то предписаниям свыше. Так мало-помалу ещё во время нашего ученья начал несколько сглаживаться тип бессмертных бурсаков Помяловского. Время создало других людей, — оно нам даёт другие типы, и насколько известно, в настоящее время воспитанники духовно-учебных заведений крайне обижаются, когда величают их «бурсаками».

В 1864 году из Переславского духовного Училища я перешёл во Владимирское, а через два года в местную духовную Семинарию, которая в это время ничем уже не напоминала Переславское Училище.

По правде сказать, горько́нок был корень нашего учения, хотя и плоды-то его не очень сладки!.. Много лет прошло, как мы оставили Переславское духовное Училище, но оно и до сего времени нередко грезится нам во сне, будто бы сидя за латинской грамматикой, учишь: Lavdo, Lavdas, Lavdat, и как же рад бываешь, когда проснувшись убедишься, что это сон, а не действительность...